

Е.Ю. Протасова
К.Л. Резник*

E.Yu. Protasova
K.L. Reznik*

Функции мигрантского дома: русскоязычные в Финляндии

Functions of the Migrant Home: Russian-Speakers in Finland

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-17

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-17

УДК 811.161.1'38:81'42:39

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Протасова Е.Ю., Резник К.Л. Функции мигрантского дома: русскоязычные в Финляндии // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 204–216
URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-17.pdf>

Protasova E.Yu., Reznik K.L. Functions of the Migrant Home: Russian-Speakers in Finland // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 204–216. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-17.pdf>

Abstract. The necessity to have a shelter is one of the most important human needs. When people go abroad for a long time, they take with them things that will help them master a new space, make it comfortable, while at the same time preserving what is dear in their past life with their presence. While changing themselves, they transform their surroundings, either wishing to integrate or emphasize their identity, or creating varying extensions of their new identity, which may reflect both the former and the dominant culture around them or some third culture. The article is devoted to how Russian-speaking immigrants in Finland adapt their housing to a new stage of life, what memorabilia they bring with them and why, what is behind their choice of interior type, what they consider to be a reflection of Finnishness, and what is Russian in the design of their home. Using the method of individual and group interviews, collecting essays, and discussions in Facebook groups, the authors analyze the attitude of participants in the study to their own space among the representatives of the last wave of the Russian-speaking immigration and compare it with what is available in the homes of the so-called “Old Russians” whose ancestors lived in Finland before the revolution and spoke Russian. It turns out that books, photos, and family heirlooms (such as children’s clothing, tools, and jewelry) that are associated with stories associated with loved ones or special situations are exactly the things that they preserve and which evoke emotions. It is impossible to escape from the surrounding Finnishness, because the living conditions dictate it. Russian objects come and go, and are perceived as such and, if possible, do not perform a decorative, but a pragmatic function.

Keywords: Russian-speaking migration to Finland; the idea of home, symbolic functions of objects; ethnically-marked interior; Russianness; Finnishness, migrants’ home.

The article has been received by the editor on 27.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Потребность иметь жилье относится к числу наиболее важных нужд человека. Уезжая за рубеж надолго, люди берут с собой вещи, которые помогут им освоить новое пространство, сделать его комфортным, одновременно своим присутствием сохраняя то, что дорого в прошлой жизни. Меняясь сами, они трансформируют окружающее, желая при этом либо интегрироваться, либо подчеркнуть свою самобытность, или создают варь-

* Протасова Екатерина Юрьевна, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия, e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Protasova Ekaterina Yu., Doctor of Pedagogical Sciences, University of Helsinki, Helsinki, Finland, e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Резник Кирилл Львович, магистр физики, социальный антрополог, Alfabetica Art Group, Вантаа, Финляндия, e-mail: kirill.reznik18@gmail.com

Reznik Kirill L., MA in Physics, Social Anthropologist, Alfabetica Art Group, Vantaa, Finland, e-mail: kirill.reznik18@gmail.com

рующиеся продолжения своей новой личности, которые могут отражать как прежнюю, так и доминирующую вокруг или какую-то третью культуру. В статье рассматривается то, как адаптируют свое жилье к новому этапу жизни русскоязычные иммигранты в Финляндии, какие памятные вещи они привозят с собой и почему, что стоит за их выбором типа интерьера, что они считают отражением финскости, а что – русскости в оформлении жилища. С помощью метода индивидуальных и групповых интервью, сбора эссе, а также дискуссий в Фейсбук-группах анализируется отношение к собственному пространству у представителей последней волны иммиграции и сравнивается с тем, что находится в домах т.н. «старых русских» – потомков тех, кто жил еще до революции в Финляндии и говорил по-русски. Выясняется, что книги, фотографии и семейные реликвии (например, детская одежда, инструменты и украшения), с которыми связаны рассказы, ассоциирующиеся с близкими людьми или какими-то ситуациями, и есть то, что сохраняют и что вызывает эмоции. От окружающей финскости невозможно уйти, потому что условия жизни ее диктуют. Предметы русскости приходят и уходят, причем осознаются как таковые и по возможности выполняют не декоративную, а прагматическую функцию.

Ключевые слова: русскоязычная миграция в Финляндию; идея дома; символические функции предметов; этнически маркированный интерьер; русскость; финскость; мигрантский дом.

Введение. В традиционной русской культуре, как и во многих других, пространство дома символически отражало устройство мира; дом был и живым существом, и воплощением вселенной, принадлежащим и людям, и домовым, и собственному роду¹. Следы этого метафорического отношения к ближайшему и отдаленному окружению видны и теперь. В разных культурах дом может или должен быть собственным или съемным, богатым или бедным, пустым или полным, большим или маленьким. Окна – «глаза дома» – могут держать открытыми или занавешивать. Особое значение до сих пор имеет порог и вообще вход в дом. Мало кто способен проявлять истинную самостоятельность в отделке и убранстве дома, большинство придерживается традиций и того, как поступают со своим пространством другие (так, палисадники соседей на одной улице могут быть похожи, как и квартиры людей одного социального класса. С. Махлина² рассматривает жилище как основное место протекания повседневности. Присутствующие предметы отчасти находятся в общей собственности и как бы принадлежат всем, отчасти ревностно охраняются, к ним запрещен доступ другим лицам. При близком общении в семье или общежитии личные вещи трудно держать вдали от любопытных глаз.

Процесс миграции может включать поиски психологического дома и пересмотр идентичности³. Временами это становится центральной мотивацией переезда и его лучшим достижением или, наоборот, самым большим разочарованием⁴. Многие мигрантские группы образуют транснациональные сообщества по всему миру⁵, поддерживают связи, сравнивают процесс интеграции в несовпадающих условиях своего окружения. Вопрос о доме встает у иммигрантов заново при выходе на пенсию: часто те, кто может позволить себе это финансово, предпочитают жить часть времени в стране исхода, а часть – в принимающей стране⁶, что свидетельствует о том, что представление о прежнем доме сохраняется. Дом как бы вырастает в землю, и когда в миграции используются выражения «человек без корней»,

¹ Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград, 1983; Ethnicity and Housing. Accommodating Differences / Ed. F. Boal. Aldershot, 2000.

² Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009.

³ Conroy G.P. Migration Trauma, Culture, and Finding the Psychological Home Within: Views from British Object Relations Theory. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016.

⁴ New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home / Eds. N. Al-Ali, K. Koser. London, 2002.

⁵ Migration in Transnational Social Spaces / Ed. L. Pries. Aldershot, 1999.

⁶ Return Migration in Later Life: International Perspectives / Ed. J. Percival. Bristol, 2013.

«его корни там-то», «его вырвали с корнями», «его лишили корней», «он пустил корни» или «перекасти-поле», часто имеют в виду образ человека как растения или его дома как имеющего подземную, глубинную часть. Дом в широком смысле всегда принадлежит семье, наделенной историей и традициями.

Невозможно перечислить все случаи употребления символики дома как в научной, так и в художественной литературе. Можно отметить, что многие книги начинаются с описания дома или заканчиваются им, а душу часто сравнивают с домом. Потеря дома вследствие войны, пожара, переезда, ссылки, тюрьмы, неполучения наследства, эмиграции часто воспринимается как потеря части идентичности. Д. Морли⁷ считает, что телевидение и другие средства массовой информации помогают компенсировать отсутствие дома в ситуации миграции. В поисках дома иммигранты стремятся найти не только материальный, но и душевный комфорт, почувствовать себя уверенно, приспособиться к новой обстановке и приспособить ее под себя⁸. Е. Гапова⁹ считает, что представление о национальном доме и еде неразрывно связаны, в то время как еда – главная метафора родной культуры¹⁰. Книги и фильмы относятся к этому же кругу примет национальной принадлежности, а для некоторых сюда входит еще и посещение храма, соблюдение празднования Нового года, 8 Марта и некоторых других праздников. С точки зрения исследовательницы, такие признаки вхожести в сообщество носят воображаемый характер и помогают позиционировать себя через определенную идентичность. В диаспоре, однако, при этом возникает новая коллективная идентичность, и «наши» – это уже не только те, кто был раньше, но и те, кто есть вокруг сейчас¹¹.

Эмигрант может отказываться от прошлого дома, отбрасывать все, что было, а может стремиться создать дом¹². Суровая необходимость достойной организации своего жизненного пространства не обошла стороной и первую русскую эмиграцию, например во Франции. Особое отношение постсоветских мигрантов к дому рассматривалось, например, для переехавших в Великобританию¹³, Германию¹⁴, Италию¹⁵, США¹⁶, Финляндию¹⁷, Японию¹⁸. Н. Душакова¹⁹ показывает, какие вещи были важны при возвращении румынских старообрядцев в Россию и повторном отъезде из нее в XX в.: во-первых, документы и транспорт, во-вторых, инструменты обеспечения повседневной жизни, в-третьих,

⁷ Morley D. Home Territories: Media, Mobility and Identity. London, 2000.

⁸ Boccagni P., Brighenti A.M. Immigrants and home in the making: Thresholds of domesticity, commonality and publicness // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. No. 32. P. 1–11.

⁹ Гапова Е. Жены русских программистов или женщины, которые едут вслед за мужчинами // Семейные узы: модели для сборки. М., 2004 / ред. С. Ушакин. С. 409–431.

¹⁰ Eating Culture. The Poetics and Politics of Food / Eds. Döring T., Heide M., Mühleisen S. Heidelberg, 2003.

¹¹ Гапова Е. Жены русских программистов ...

¹² Mostikov S.V. Correlation of migration processes and the social concept of “home” // Journal of Siberian Social University. Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 8. No. 9. P. 1990–1997.

¹³ Pechurina A. Russian dolls, icons, and Pushkin: Practicing cultural identity through material possessions in immigration. Laboratorium. 2011. No. 3. P. 97–117; Pechurina A. Defining the Russian Diasporic Home and its Atmospheres: Theoretical Challenges and the Methodological Implications. Sociological Review, 2016. Vol. 15. No. 2, P. 26–41.

¹⁴ Иванова-Бучатская Ю.В. Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. 2010. № 2. С. 137–166.

¹⁵ Одинец С. Дом без стен, стены без дома: конструирование физических и символических локаций в транснациональных миграциях украинок в Италию // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2018. № 2. С. 34–51; Талалай М.Г. “Сделать так, чтобы они смогли сказать – это наш дом”: помощь Вальденской церкви русским эмигрантам в Италии. Вторая половина XX в. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 102–114.

¹⁶ Гапова Е. Жены русских программистов...

¹⁷ Протасова Е.Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004. 308 с.; Протасова Е.Ю., Резник К.Л. Русские дома в Финляндии: предметы и дискурсы // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2019. Вып. 2(28). С. 122–133.

¹⁸ Golovina K. Skin-to-skin with the house: senses and affect in the relationship of migrant Russian women in Japan with their homes // Asian Anthropology. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 170–185.

¹⁹ Душакова Н.С. Материальность миграции: вещи в устных историях о переселениях старообрядцев // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2019. № 21. С. 232–245.

фотографии и письма. «Домом» называется также приют для детей или пожилых людей²⁰. В литературе эмиграции слово «дом» связано с особым чувством бездомности, к которому некоторые стремятся и от которого некоторые бегут и которое эволюционирует на протяжении жизни за пределами родины (например, Н.Н. Кознова, И.Н. Минеева, А.Н. Цепенникова)²¹.

В настоящей статье, представляющей собой часть проекта, посвященного дому в эмиграции, мы рассматриваем отношение к пространству и заполняющим его вещам на основании анализа виртуальных и реальных обсуждений этого вопроса русскоязычными в Финляндии, группового интервью и самоотчетов участников опроса. Представляя мнения участников, мы используем методику сокращенного пересказа основных идей.

Лишние и нужные вещи. Корней Иванович Чуковский, узнав о разграблении своего дома в Финляндии, писал в дневнике: «Я не люблю вещей, мне нисколько не жаль ни украденного комода, ни шкафа, ни лампы, ни зеркала, но я очень люблю себя, хранящегося в этих вещах». Памятные вещи оказываются по-разному важными: одни люди не могут смириться с их потерей или отсутствием, другие воспринимают как неизбежную жертву, способствующую переходу на новый этап жизни. На самом деле никто не знает, что именно пригодится и что не стоит выбрасывать, что понадобится или стоимость чего станет в будущем больше. Молодые поколения учат жить по Мариэ Кондо, не привязываясь к вещам, выбрасывая как можно больше, ценя свободное пространство, не приобретая лишнего.

В одной из групп Фейсбука обсуждается, много ли у людей дома русских книг и что еще там есть. Выясняется, что ими полны все, в т.ч. детские, комнаты, что шахматы, домино и шашки хранятся со времен СССР, зато безделушки и сувениры отдаются нуждающимся. Трудно оценить, насколько у кого-то типичное финское жилье, поскольку минимализм представлен в меру. У одного из участников домашняя библиотека по всему дому от пола до потолка, книги стоят и лежат на полках в два ряда, причем это и художественная, и профессиональная западная, русская и финская литература на разных языках, на стенах множество картин. Матрешки, жостовские подносы, гжель могут быть или не быть, использоваться функционально, служить украшением, напоминать о стране исхода или просто находиться здесь потому, что откуда-то взялись. Невозможно избежать магнитиков – их привозят как сами обитатели дома, так и друзья со всего мира. Пока дети маленькие, для них вешается карта России, Финляндии или мира, создавая представление о пространстве²². Российское телевидение обеспечивается людям старшего поколения (раньше это было нужно для поддержки русского языка у детей, когда не было возможности все смотреть в Интернете). Есть и те, кто вешает дома портреты вождей (в шутку и всерьез) и государственные флаги. Картины подбираются с разными мотивами: старая Москва, русский быт. В русском доме есть иконы. Интересно, что дети приглашают в гости друзей, которым кажется, что все, что они видят, обязательно русское, раз хозяева говорят по-русски, даже фрукты и овощи. Среди примет русскости называют также гречку и говорят, что гостей надо вести к холодильнику с ряженкой, на стол к чаю – вафельный торт, конфеты «Белочка» и сушки. Признаками финскости считают шторы Маримекко, фарфор Арабия, мебель *Voknäs*, телевизор Samsung. Вспоминают, что признаками советскости являются чехословацкий или ГДРовский сервиз, что осознается как мещанский стиль. Русскоязычные выставляют в горках посуду, сервизы и

²⁰ Волжанский П. Белая гвардия в стране Суоми // Труд. 2002. 29.06 [Электронный ресурс]. URL: rud.ru/article/29-06-2002/42627_belaja_gvardija_v_strane_suomi.html (дата обращения: 01.02.2020); Семёнова С.Ю. Русский дом под Парижем // Русская история. 2012. № 3. С. 83–84.

²¹ Кознова Н.Н. Трансформация образа дома в дневниках Ирины Кнорринг // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 2. С. 196–203; Минеева И.Н. Материалы к словарю сюжетов, образов, мотивов «культура русского зарубежья XX–XXI вв.»: понятие эмиграция // *Universum: филология и искусствоведение*. 2013. № 2 (2). С. 1–12; Цепенникова А.Н. Трансгрессия концепта «дом» в литературе эмиграции четвертой волны // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2014. № 4. С. 39–48.

²² О воспитании взгляда на земной шар через привычную форму карты см.: Wright S. The map, the group and language ideology // *Journal of World Languages*, 2014. No. 2. P. 81–98.

хрусталь, вешают на окна вычурные тюлевые занавески, обязательно закрывают гардины (финны обычно не задерживают шторы), ставят мебель везде, где только можно (перегружают квартиру), носят павловопосадские платки. При этом могут любить светлые тона в дизайне интерьера, лаконизм и натуральные материалы. У всех есть хрусталь, обычно дареный, его используют по праздникам или просто так, потому что не хочется выбрасывать, все-таки это память о событиях, в честь которых он был подарен или приобретен, и о людях, участвовавших в них, но на виду не посуда, а керамика, выполненная детьми. В финских домах принято ставить (например, на камин) фотографии детей в младенчестве и в момент окончания гимназии (в белой фуражке, что символизирует возможность поступить в университет).

В другой группе Фейсбука решили обсудить, является ли дом местом, где хранится барахло, и вся ли жизнь уходит на его приобретение. Некоторые согласились с таким утверждением на 90 %, другие определили дом как место, где их не достанут, если они не захотят, и признали, что они социофобы. Участница З.Р. считает, что у нее в доме нет барахла, а это место, где она может, полностью наслаждаясь, быть сама собой. Для Г.А. дом – место, где живет ее семья, где можно творить и чувствовать себя таким, какой ты есть. Тут восстанавливают силы, и нельзя пускать злых гостей. Вещи в доме именно создают его атмосферу, упрощают и насыщают жизнь, помогают, но трудно выбрать, что действительно важно иметь. Д.О. завела правило безжалостно выбрасывать каждый день что-нибудь, чтобы оставалось свободное место. Подчеркивают, что дом создают сами, что решение о захламленности принимается самим человеком. Туда обязательно нужно поместить любовь и счастье; в нем непременно должны быть сердце и душа, а иначе это склад. Советуют для всего иметь свое место, вспоминают, что это крепость, где детям, по возможности, чисто, уютно, комфортно и безопасно. Но возникает вопрос о целеполагании: будут ли дети жить лучше нас, если мы прожили жизнь ради них. В заключение дискуссии приходят к выводу, что понятие «дом» у всех разное, так же как и понятия «Родина», «любовь», «смысл жизни».

Обсуждение с участниками. В данном параграфе рассматриваются мнения, высказанные участниками в ходе групповых и индивидуальных интервью. Мы группируем их по обсуждавшимся темам, выбираем наиболее интересные и характерные.

Дорогие вещи в доме – это «работы детей (рисунки, поделки)». «Семейные фотографии, посуда, с которой связаны истории или место какое-то, воспоминания о тех местах, в которых я побывала». «Фотографии и сувенирчики, которые мне привозили родители, такие, которые с мыслью, например, девочка с хвостиком, которая напоминала меня, и девочка, сидящая за швейной машинкой. Она стоит на полочке, хотя уже разбита. Интересно сделана, скручена из проволоки». «Посуда, предметы быта. Никакой романтики, важен только функционал вещи – удобство». «Мне в детстве часто говорили: если плохо обращаться с вещью, она будет плакать. И если оставлять еду на тарелке, еда тоже будет плакать. Так я и выросла с ощущением, что вещи нужно даже не уважать, а как-то защищать и охранять, «чтобы они не плакали». Поэтому что-то выбросить для меня сложно, а терять очень грустно. При этом удивительно, что выделить какую-то одну вещь я не могу. Нет чего-то такого, что я носила бы на себе или при себе всю жизнь. Есть вещи, да, которые я уже «потеряла», вот они мне не дают покоя. Это несколько предметов из моего детства, которые перешли во владение к родственнице. Это дореволюционные настенные часы Павла Буре – символ моего дачного детства, папина голубая с оранжевым выключателем дрель и огромная старинная игрушечная железная дорога. Вот эти вещи я бы мечтала вернуть, это семейная история. Если бы этот дачный дом был моим, я бы там ничего не стала менять, это был бы музей. Но сейчас там уже всё переделано. Мне особенно дороги вещи, которые хранят воспоминания. Новые, даже дорогие, – не так ценны».

Вещи, которые сопровождают всю жизнь, – «крестильный крест». «Вещи, которые купили в России, когда я вышла замуж, я никак не могу от них отказаться. Лампа на кухне, которую я бы очень хотела сменить, и один чайный сервиз. Мы им не пользуемся, но он мне именно вот просто дорог как память». «Книги – это, конечно, переходит и переезжает со

мной из всех мест моего проживания, причем я помню каждую книгу. Это еще мама начала мне покупать, у меня была мысль каждую зарплату покупать хотя бы одну какую-то книгу, таким образом библиотека собиралась. Поскольку я была самым читающим в семье человеком, мне все это и досталось, и вот я ее вожу. Понимаю, конечно, что уже есть много всяких других источников, где можно почитать, но в основном я не могу с этим расстаться, я с этим жила, я с этим выросла». «И всё, и ничего. Одну какую-то вещь я выделить не могу. Но я всю жизнь прожила в одной и той же квартире в центре города, где наша семья поселилась в 1919 году, там хранится масса вещей, и моя связь с ними не порвана. Получается, что все наши вещи сопровождают меня до сих пор».

Без какой памятной вещи вы не могли бы обойтись? «У меня раньше много было всякого, но летом нас ограбили, и исчезло много всего. После этого ценности поменялись, и уже нету такого. Я поняла, что я много без чего могу обойтись, главное – чтобы нам всем хорошо было. Ожерелья были, все утащили, все унесли. Я поняла, что я прекрасно живу после этого. До лета, до этого ограбления, я бы назвала много чего, а теперь нету. После этого я поняла: забирайте всё, только не трогайте детей. Переживаю из-за крестильного креста сына, мы еще не купили новый, но это будет уже не то». «Наверное, это 2 альбома с школьным фотографиями». «Я бы очень переживала без того, что осталось на память от бабушки, и вот еще две мягкие игрушки, от одного и от другого ребенка. Если они потеряются, мне будет очень-очень-очень обидно, потому что хотелось бы их как-то сохранить как можно дольше». «У меня есть какие-то дорогие вещи, которые я как-то наделила сама какими-то особенными свойствами, мне кажется, я не должна расстаться с ними, например, с мамиными сережками, которые она мне подарила». «Любая вещь для меня памятна, любую трудно терять. Но любую потерю можно и пережить. Пожалуй, что сейчас уже мне больше всего жалко было бы потерять первые каракули моего ребенка, какие-то его первые игрушки, одежду, фотографии, конечно. Его детство, наверно, важнее остального семейного прошлого». «У меня есть одно кольцо, которое уже 15 лет со мной. Для меня оно – символ доверия между незнакомыми людьми».

Вещи с родины. «Книги, фотографии, одежду, конечно, привезли, но она уже поменялась миллион раз с тех пор, уже мало что сохранилось, только детские вещи, маленькие платяшки какие-то, карнавальные костюмы детские, которые сама шила. Письма, записки, которые мы с подружками друг другу в школе писали, я вожу с собой, поздравительные открытки дедушка на каждый праздник писал лично мне, маме отдельно, мне отдельно, поздравление с 8 Марта, всегда мои бабушки, дедушки, тетушки, крестные писали письма, открытки – всё есть, ни одной не выбросила. Такая хорошая была традиция – писать письма, я очень любила получать, а благодаря тому, что я не любила отправлять письма, у меня сохранились мои письма, которые я писала, но не отправляла. Так интересно их сейчас перечитывать. У меня сохранился дедушкин чемодан. Когда он поехал в Америку, вернулся оттуда с чемоданом, мне было, наверно, лет 5. И он мне его подарил. И он до сих пор, с письмами. С атласными такими, внутренней такой атласной обшивкой, с какими-то рюшечками, он был такой необыкновенный, как с Марса, чемодан, в то время, когда были такие с металлическими углами чемоданы, и тут вдруг такое голубое чудо, блестящее. Я, конечно, очень долго им пользовалась». «Первый костюмчик сына оставила». «Личные вещи, но с тех пор уже постарели и большая часть из них выброшена». «Я очень гордилась тем, что мне сестра сшила национальный костюм, сарафан русский, есть фотография. Я сохранила открытки, вот именно которые родители и бабушка дарили, потому что там чисто по-русски написано поздравление, пожелания какие-то, а то, что вот подружки дарили поздравления с днем рождения, – я всё выбросила. А вот эти я сохранила, потому что здорово, когда рукой написано, это же как-то персонально». «Я не теряю связи с родиной. После рождения ребенка было так тяжело, такой стресс, что я, можно сказать, сама себя потеряла. Если бы не было возможности на несколько недель приехать домой, на родину, пожить в окружении своих людей и своих вещей, я бы, наверно, сошла с ума. Это мне очень помогло. Я потихоньку привожу сюда вещи. У меня ведь не было как такового переезда. Я не понимала, что

после рождения ребенка невозможно будет жить на две страны. Тогда я почти ничего не привезла. Сейчас уже удалось привезти много детских книг (еще моих, из моего детства), какую-то одежду, бижутерию... А так, всё там, у мамы. И скоро, надеюсь, мы сможем всё чаще и чаще там бывать. Жить на две страны, как и раньше. Никакие семейные реликвии сюда я не повезу, пусть там будут». «У меня еще есть коллекция открыток, которые я собирала в детстве, и коллекция блестящих бумажек, которые я собирала в детстве, обложки такие, от конфет, которые сейчас уже не выпускают, такое приятное воспоминание. Всякое вот барахло. Я очень любила, остались еще от бабушки, коробка такая с духами, остались старые еще флаконы, и вот это атласная такая выложенная, и где все бутылочки лежали. Как я любила на это смотреть и перебирать в детстве! Это просто невозможно выбросить, это произведение искусства. Где сейчас лежит – не знаю». «А у нас все украли, у нас была кладовка в доме, где мы раньше жили». «Мне кажется, что сейчас вообще средний уровень жизни людей настолько повысился, что вот то что вот действительно раньше казалось таким вот уникальным предметом – вот у меня есть такое пальто, вот я его буду беречь, никогда в жизни себе такого больше не достану, и вот постельное белье – вот сейчас продается, вот сейчас нужно купить как можно больше, чтобы оно лежало на всякий случай, этого же все-таки нету, и потом что обидно – что вот мне, например, обидно, что вот этой посуды, которая была куплена не нами, а кем-то нам, ее такое количество, что она вся лежит, а я хочу купить какую-нибудь, которая мне нравится, и я не могу, потому что мне неловко, потому что люди мне дарили, может быть, из последних каких-то средств, и это мне совершенно не нужно, и так я до конца жизни так и не буду пить из чашек, которые мне нравятся, потому что мне все время дарят то, что мне не нравится. Очень обидно мне, я бы сказала. Как-то надо менять тоже».

Можно ли свой дом назвать типичным русским домом? «У меня сплошные смешения стилей, эклектика, какие-то вещи, которые есть в русских домах, может быть и есть: посуда, книги русские. Русская посуда отличается от финской, и она сделана в России. Есть гжель, хохлома, сейчас уже, правда, не на виду, но с этим тоже не расстаюсь. На виду было, когда жила здесь, а когда жила в России, этого не было, это я приобрела, когда переехала сюда, видимо, это вот мне казалось, что тот кусочек родины нужно иметь у себя дома, свою национальную принадлежность подчеркнуть, потом эта потребность как-то отошла. Кое-что есть, но в основном это сейчас на даче: самовар, горшочки глиняные, кашу запекать, такие вещи». «Типичным назвать нельзя. Русскость проявляется в тюле на окнах и постельном белье (подарок свекрови из России) – цветастое постельное белье». «Я сама оттуда ничего не привозила, все привозил финский муж, он сказал: должно же быть что-то у нас советское, если ты переедешь, тебе не будет очень скучно. Он сделал мне часы из блюда, хохлома такая, они до сих пор у меня, кстати, висят, очень хотелось бы поменять, но как-то рука не поднимается, самовар тоже он привез, ложки деревянные, это было все его идея. С ложками дети играли маленькие». «Я подошла бы к этому вопросу немножко с другой стороны, нематериальной. Я считаю, что у меня русский дом тогда, когда приходят гости, тогда он у меня чисто русский дом. Вот на стол накрыть, вот гостеприимство такое, то есть двери открыты для всех, никого не выгоняем, вот таким образом он абсолютно, вот чисто русский. У меня то мама, то сестра, то все в куче, идут чай вечером поздно попить, абсолютно вот как-то нету границ, кто и когда может прийти. А вот так вот с точки зрения материальной – у меня вот есть одна деревянная ложка. Иконы. Иконы – но вот я не знаю, это русское ли, больше, наверно, православное. Иконы отовсюду. В основном мужа иконы, он из дома привез. Одна бабушкина старая икона большая, потом дарили в подарок, на свадьбу в церкви подарили икону. Моих икон, которые я там делала, где-то в лагере, в детстве, такие вот. Очень много икон. Мы переехали вот два года назад, они пока еще на стене не висят. Бабушкина икона огромная, она в таком стеклянном шкафу, и там еще место для свечки есть. Это бабушка мужа, она из Карелии. А вот так просто если зайти в дверь и посмотреть, то не скажешь, что тут русские люди живут». «Его точно нельзя назвать финским. Мне уже удалось закрыть книжными стеллажами почти все белые стены, которые мама всегда назы-

вала больничными. И мой дом уже напоминает нашу старую квартиру. Я накупила массу старинной посуды в Kierätyskeskus [центр обмена поддержанными товарами], книг старых и новых... И бесконечное число детских игрушек, которые валяются везде. Гости вежливо называют это творческим беспорядком. Но, например, занавесок в гостиной у меня нет. У мамы же окна всегда наглухо завешены – второй этаж во дворе-колодце. Но я бы все равно не стеснялась, жила и в «колодце» без занавесок. На меня они давят. Ну, в спальне еще понятно, а в гостиной и на кухне...».

Финскость. «Нет, наверно, хотя мебель вся финская от бабушек, от дедушек. Старая мебель. Шкафы, ковер на полу, стол – родителей мужа. От бабушки тумбочка, комодик такой, журнальный столик. Сама покупала в детскую комнату, кровать покупала и диван, кресло». «Типичным финским домом не назовешь, но минимализм, к которому я стремлюсь, это типично финская черта, но у меня только стремление, а так не получается до конца. Мешает русскость, которая во мне присутствует. Я часто размышляю, признак чего вот это стремление к минимализму. Наверно, от бедности, но ведь и стремление к тому, чтобы всего было много, это тоже от бедности. Короче, дети бедности какие-то и с той, и с другой стороны». «Вроде хочется и всего много, а с другой стороны, хочется минимализма. Я тоже в себе это очень узнаю. Вроде хочется, чтобы нигде ничего не было, но я очень чувствую себя некомфортно, я очень комфортно себя чувствую, когда у меня вокруг много всего, и вот ярко и пёстро, это вот чисто такая русская, а вот финская – это такая светлая, чтобы нигде ничего не валялось, все припрятано, как-то получается ни то и ни сё, и не финское, и не русское». «Стиль минимализм, светлые тона, бело-серая гамма, стандартная финская мебель». Стены «у меня серенькие, как в Финляндии принято, белые с сероватым оттенком». «Белые». «Белое нравится». «В одной комнате розовые, в другой были зеленые, но мы перекрасили. Коридор зеленый, большая комната – розовый, голубой и серое с цветами какими-то. На кухне у меня покрашена темно-зеленая стена и светло-зеленые кофейники по стене. Мы как приехали, они такие были, нам очень понравилось, нам не хотелось ничего менять. Поэтому они пестрые очень, яркие, и они абсолютно не бросаются в глаза. Очень как-то уютно вот так. Вот как увидели – вот это наше, вот прямо по душе подошло. Ну вот, сейчас спальню поменяли, покрасили в белый цвет, потому что не подходить было штор к этой люстре, все получилось какое-то зеленое». «Функционализм – не мой стиль, это точно. И минимализм. Можно было бы иметь пару пустых комнат для гостей, если бы были лишние, но жить без вещей я не могу. Это же дом, а не отель. Вообще, мне нравятся итальянские дома. Я видела много таких – каменных домов, которым по 800 лет. Люди их купили, отреставрировали (именно отреставрировали, бережно сохранив всю старину, итальянцы никогда не променяют ее на новодел, «евроремонт», как в России говорили. Никто не вставит пластиковое окно вместо старинного деревянного, если оно сохранилось, не закроет кирпичную или каменную стену куском гипсокартона, не положит ламинат вместо паркета и не закроет 800-летние балки навесным потолком). Такое кощунство свойственно для современной России, в Финляндии я не знаю, в старых домах, в центре Хельсинки, возможно, тоже бережно относятся к старине. В этом смысле тогда я на их стороне. Беспорядок и обилие валяющихся под ногами вещей, конечно, мне немного мешает, но, видимо, меньше, чем другим людям. Приоритет всегда отдается чему-то более важному, чем наведение порядка. Так и с ребенком: если он что-то разбросал и занялся другим – творческим делом, я не стану его прерывать и говорить, чтобы он сначала убрал раскиданное. Разве можно сравнить ценность творческого процесса и необходимость что-то убрать на место? Чистота – это немного другое дело. Мы не ходим по дому в уличной обуви, а когда я готовлю, стараюсь ничего не ронять и не разбрызгивать вокруг (чтобы лишний раз не мыть потом), грязи я не люблю».

Впечатление от дома. «Мне кажется, людям все равно, какой у меня дом, они не обращают внимания на то, что там, какая там мебель, какие стены. Мне кажется, любой дом воспринимается через призму жильцов этого дома гостями. Если в доме уютно, комфортно, гости это очень чувствуют. Мне кажется, они так и воспринимают его, а я своим домом

довольна. Особенно я никаких перемен не жду в своем жилье. Я реально смотрю на вещи, если могу – то меняю, а если не могу – то и не хочу». «Мне уютно и хорошо, чувствую себя комфортно. Вообще хотелось бы поменять очень много, хотелось бы перейти на финский стиль, современный, мне нравится, когда все такое светлое, потому что у меня темная мебель вся. Все досталось по наследству и все как-то в памяти: вот этот шкафчик стоял там, этот комодик стоял там, за этим столом мы пили чай, расстаться с этой памятью очень тяжело». «Я сама вижу, что дом тесный и в беспорядке, но мне все равно там очень уютно. Я надеюсь, что люди не видят моего беспорядка, как его вижу я. Очень часто, когда люди приходят в гости, они очень удобненько садятся на диван и за стол и особенно никуда не передвигаются оттуда, потому что как-то если люди чувствуют себя некомфортно, они как-то суетливы и на месте не сидят. Я бы хотела его растянуть в размере немножко». «Предполагаю, другим он кажется «куцым», мне он кажется светлым и просторным, я хотела бы добавить дизайнерских решений, которые слегка разнообразили бы сегодняшнюю скромность». «Наше предыдущее жилье в Хельсинки – маленький домик (сауна с комнатой и туалетом), окруженный садом, – это был рай в шалаше, люди называли его домом хиппи. Да, я бывала в Италии в домах настоящих хиппи из 60-х, это действительно похоже. Но нам пришлось оттуда уехать, ребенок там уже не помещался. Я бы очень хотела снова жить в таком. Домик с садом. Но только побольше немного. Или с большой кладовкой для вещей. Своя территория мне очень нужна, кусочек земли, чтобы выращивать цветы и овощи. Никакого дизайна, как я уже поняла, мне не нужно. Должно быть удобно. Удобно пользоваться вещами, одеждой и кухней, чтобы легко было всё достать, иначе мне будет лень этим пользоваться. А красоту я бы лучше создавала за окном – в саду. И каждая вещь в моем доме должна быть со своей историей. Я люблю собирать коллекцию необычных вещей: либо очень красивых с художественной точки зрения, либо старинных, либо каких-то особенно удобных, как это называют сейчас – лайфхаки, либо привезенных откуда-то... Вещи с какой-то информационной нагрузкой. И много книг, это обязательно. А в плане, там, дизайнерской мебели... Мне и стол-то не нужен, да и кровать. Я бы с удовольствием и спала, и ела на полу. Только кухню хорошую, пожалуй, не отказалась бы иметь. Но опять же, удобную, а не какую-то новомодную». «Я люблю, чтобы вещи приходили в дом случайно, доставались от кого-то. Но если они противоречат сложившемуся стилю, надо что-то менять. Мы многое постепенно перевезли, когда поняли, что будем жить здесь. Отнюдь не всё, что хотелось, а то, что получилось. В России у нас было больше по-европейски, чем здесь».

Выводы. В приведенных ответах участников бесед есть все варианты мигрантского отношения к дому: тоска по прошлому, разрыв с ним, жизнь на два дома, гибридное жилье, вариант, устраивающий и не устраивающий хозяев, попытка воссоздать свой стиль на новом месте, осуществление мечты, приспособление к доминирующему в окружении варианту. Есть рефлексия о себе как демиурге и о себе как жертве. Есть и желание плыть по течению, и все изменить. Собственное пространство, создаваемое в новом окружении, оказывается иным потому, что условия неизбежно другие. В то же время приметы русскости, казавшиеся китчем на родине, вдруг оказываются нужными, потому что они удобны и красивы той красотой, которую участники опросов привыкли ценить.

До отъезда с родины жили, как все, и старое время было бедным. Теперь у людей стало много вещей, и приходится избавляться от лишних. Ни у кого нет по-настоящему дорогих предметов. Православные люди больше всего дорожат крестильными крестиками, ценят иконы. Некоторые вспоминают об украшениях, но обычно добавляют, что важна не стоимость, а история. Одежда, которую привезли с собой, давно износилась, но хранятся некоторые детские вещи, карнавальные костюмы, сшитые своими руками, поделки, фотографии, письма, открытки, записки. Мнения участников сходятся в том, что типично русским дом становится, когда туда приходят гости, их гостеприимно встречают, ставят на стол определенные блюда, угощают так, как принято, разговаривают на «русские» темы, поют русские песни. О том, кто здесь живет, говорит больше содержание холодильника, чем

то, что смотрят по телевизору. Иными словами, необходимо говорить о приоритете духовности как о важной стороне жизни.

В домах «старых русских» множество предметов старины, икон, картин, книг, документов, передающихся из поколения в поколение. Ценность вещей, которые когда-то могли быть обыденными и случайными, возрастает с годами, и они окружены семейными историями. Дома не кажутся временными жилищами, они в общем-то следуют финскому стилю в интерьере, только в них много артефактов царского времени.

Можно согласиться с В.М. Пешковой в том, что реальное, виртуальное и символическое поддержание связей со страной исхода соответствует состоянию лиминальности²³. В эмиграции человек познает самого себя заново, переживая перемены и обнаруживая, что обстановка может влиять на него. Материальные удобства не всем приносят радость. Психологически приходится принять свою альтернативную идентичность и то, что с ней связано. Необходимая составляющая – умение смиряться с потерями и акцентирование душевной составляющей бытия.

Фрагменты интерьеров домов «старых русских» в Финляндии (фото К. Резника).

Литература

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука, 1983. 188 с.

Волпянский П. Белая гвардия в стране Суоми // Труд. 2002. 29.06 [Электронный ресурс]. URL: trud.ru/article/29-06-2002/42627_belaja_gvardija_v_strane_suomi.html (дата обращения: 01.02.2020).

Гапова Е. Жены русских программистов или женщины, которые едут вслед за мужчинами // Семейные узы: модели для сборки / ред. С. Ушакин. М.: НЛО, 2004. С. 409–431.

Душакова Н.С. Материальность миграции: вещи в устных историях о переселениях старообрядцев // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2019. № 21. С. 232–245.

Иванова-Бучатская Ю.В. Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. 2010. № 2. С. 137–166.

Кознова Н.Н. Трансформация образа дома в дневниках Ирины Кнорринг // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 2. С. 196–203.

Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. 232 с.

Минеева И.Н. Материалы к словарю сюжетов, образов, мотивов «культура русского зарубежья XX–XXI вв.»: понятие эмиграция // Universum: филология и искусствоведение. 2013. № 2(2). С. 1–12.

²³ Пешкова В.М. Постсоветская миграция и диаспоры через призму лиминальности // Журнал исследований социальной политики. 2018. 16 (4). С. 701–710.

Одинец С. Дом без стен, стены без дома: конструирование физических и символических локаций в транснациональных миграциях украинцев в Италию // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2018. № 2. С. 34–51.

Пешкова В.М. Постсоветская миграция и диаспоры через призму лиминальности // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. 16 (4). С. 701–710.

Протасова Е.Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст, 2004. 308 с.

Протасова Е.Ю., Резник К.Л. Русские дома в Финляндии: предметы и дискурсы // *Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»*. 2019. Вып. 2(28). С. 122–133.

Семёнова С.Ю. Русский дом под Парижем // *Русская история*. 2012. № 3. С. 83–84.

Талалай М.Г. «Сделать так, чтобы они смогли сказать – это наш дом»: помощь Вальденской церкви русским эмигрантам в Италии. Вторая половина XX в. // *Исторический архив*. 2012. № 1. С. 102–114.

Цепенникова А.Н. Трансгрессия концепта «дом» в литературе эмиграции четвертой волны // *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2014. № 4. С. 39–48.

Boccagni P., Brighenti A.M. Immigrants and home in the making: Thresholds of domesticity, commonality and publicness // *Journal of Housing and the Built Environment*, 2017. No. 32. P. 1–11.

Conroy G.P. Migration Trauma, Culture, and Finding the Psychological Home Within: Views from British Object Relations Theory. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. 2016 p.

Eating Culture. The Poetics and Politics of Food / Ed. T. Döring, M. Heide, S. Mühleisen. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2003. 284 p.

Ethnicity and Housing. Accommodating Differences / Ed. F. Boal. Aldershot: Ashgate, 2000.

Golovina K. Skin-to-skin with the house: senses and affect in the relationship of migrant Russian women in Japan with their homes // *Asian Anthropology*. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 170–185.

Morley D. Home Territories: Media, Mobility and Identity. London: Routledge, 2000. 364 p.

Mostikov S.V. Correlation of migration processes and the social concept of “home” // *Journal of Siberian Social University. Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 8. No. 9. P. 1990–1997.

New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home / Eds. N. Al-Ali, K. Koser. London: Routledge, 2002. 264 p.

Pechurina A. Defining the Russian Diasporic Home and its Atmospheres: Theoretical Challenges and the Methodological Implications // *Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 26–41.

Pechurina A. Russian dolls, icons, and Pushkin: Practicing cultural identity through material possessions in immigration // *Laboratorium*. 2011. No. 3. P. 97–117.

Percival J. (Ed.) Return Migration in Later Life: International Perspectives. Bristol: Policy Press, 2013. 272 p.

Pries L. (Ed.) Migration in Transnational Social Spaces. Aldershot: Ashgate, 1999. 219 p.

Wright S. The map, the group and language ideology // *Journal of World Languages*. 2014. No. 2, P. 81–98.

References

Al-Ali, N., Koser, K. (Eds.) (2002). *New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home*. London: Routledge. 264 p.

Bayburin, A.K. (1983). *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka. 188 p.

Boal, F. (Ed.) (2000). *Ethnicity and Housing. Accommodating Differences*. Aldershot: Ashgate.

Boccagni, P., Brighenti, A.M. (2017). Immigrants and home in the making: Thresholds of domesticity, commonality and publicness. In *Journal of Housing and the Built Environment*. No. 32, pp. 1–11.

Conroy, G.P. (2016). *Migration Trauma, Culture, and Finding the Psychological Home Within: Views from British Object Relations Theory*. Lanham: Rowman & Littlefield. 2016 p.

Döring, T.; Heide, M.; Mühleisen, S. (Ed.) (2003). *Eating Culture. The Poetics and Politics of Food*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter. 284 p.

Dushakova, N.S. (2019). Materialnost migratsii: veshchi v ustnykh istoriyakh o pereseleniyakh starobryadtsev [Materiality of mobility: Objects in migration memories of Old Believers]. In *Kultura slavyan i kultura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya*. No. 21, pp. 232–245.

Gapova, E. Zheny russkikh programmistov ili zhenshhiny, kotorye yedut vsled za muzhchinami [Wives of the Russian programmers, or women who leave after men]. In *Ushakin, S. (ed.) Semeynyye uzy: modeli dlya sborki*. Moscow, NLO, 2004, pp. 409–431.

Golovina, K. (2019). Skin-to-skin with the house: senses and affect in the relationship of migrant Russian women in Japan with their homes. In *Asian Anthropology*, Vol. 18, No. 3, pp. 170–185.

Ivanova-Buchatskaya, Y.V. (2010). Rossiyskie nemtsy v Germanii: znakovyye obyekty povsednevnoy zhizni i identichnost [Russian Germans in Germany: Iconic objects of the everyday life and identity]. In *Diaspory*. No. 2, pp. 137–166.

Koznova, N.N. (2019). Transformatsiya obraza doma v dnevnikh Iriny Knorring [The transformation of the image of the house in the diaries of Irina Knorring]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. Vol. 24. No. 2, pp. 196–203.

Makhlina, S. (2009). *Semiotika kultury povsednevnosti* [Semiotics of the Everyday Culture]. St. Petersburg, Aleteyya. 232 p.

Mineeva, I.N. (2013). Materialy k slovaryu syuzhetov, obrazov, motivov “kultura russkogo zarubezhya XX–XXI vv.”: ponyatiye emigratsiya [Materials to the dictionary of plots, images, motives “culture of Russian expatriate community of the 20th–21th centuries”: the concept of emigration]. In *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. Vol. 2. No. 2, pp. 1–12.

Morley, D. (2000). *Home Territories: Media, Mobility and Identity*. London, Routledge. 364 p.

Mostikov, S.V. (2015). Correlation of migration processes and the social concept of “home”. In *Journal of Siberian Social University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 8. No. 9, pp. 1990–1997.

Odinets, S. (2018). Dom bez sten, steny bez doma: konstruirovaniye fizicheskikh i simvolicheskikh lokatsiy v transnatsionalnykh migratsiyakh ukrainok v Italiyu [Home without walls, walls without home: constructing physical and symbolic transnational locations in Ukrainian women’s migration to Italy]. In *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy*. No. 2, pp. 34–51.

Pechurina, A. (2011). Russian dolls, icons, and Pushkin: Practicing cultural identity through material possessions in immigration. In *Laboratorium*. No. 3, pp. 97–117.

Pechurina, A. (2016). Defining the Russian Diasporic Home and its Atmospheres: Theoretical Challenges and the Methodological Implications. In *Sociological Review*. Vol. 15. No. 2, pp. 26–41.

Percival, J. (Ed.) (2013). *Return Migration in Later Life: International Perspectives*. Bristol, Policy Press. 272 p.

Peshkova, V.M. (2018). Postsovetskaya migratsiya i diaspora cherez prizmu liminalnosti [Post-Soviet migration and diasporas through the lens of liminality]. In *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, Vol. 16. No. 4, pp. 701–710.

Pries, L. (Ed.) (1999). *Migration in Transnational Social Spaces*. Aldershot, Ashgate. 219 p.

Protasova, E.Y. (2004). *Fennorossy: zhizn i upotrebleniye yazyka* [Fennorosses: The life and use of language]. St. Petersburg: Zlatoust. 308 p.

Protasova, E.Y., Reznik, K.L. (2019). Russkie doma v Finlyandii: predmety i diskursy [Russian homes in Finland: Objects and discourses]. In *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya “Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa”*. No. 2(28), pp. 122–133.

Semyonova, S.Y. (2012). Russkiy dom pod Parizhem [Russian house in the environs of Paris]. In *Russkaya istoriya*. No. 3, pp. 83–84.

Talalay, M.G. (2012). “Sdelat tak, chtoby oni smogli skazat – eto nash dom”: pomoshh Valdenskoy tserkvi russkim emigrantam v Italii. Vtoraya polovina XX v. [“To do so, that they could say that this is our home”: The help of the Valden Church to the Russian emigrants in Italy. Second half of the 20th century]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 1, pp. 102–114.

Tsepennikova, A.N. (2014). Transgressiya kontsepta “dom” v literature emigratsii chetvertoy volny [Transgression of the “home”-concept in the literature of the fourth wave of emigration]. In *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No 4, pp. 39–48.

Volpyanskiy, P. (2002). Belaya gvardiya v strane Suomi [The white guard in the land Suomi]. In *Trud*. 29.06. Available at: URL: trud.ru/article/29-06-2002/42627_belaja_gvardija_v_strane_suomi.html (date of access: 01.02.2020).

Wright, S. (2014). The map, the group and language ideology. In *Journal of World Languages*. No. 2, pp. 81–98.

Статья поступила в редакцию 27.05.2020 г.